

УДК 81.373.47

КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «СУДЬБА» И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

Доктор филологических наук, доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru

АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»

В статье рассматриваются когнитивные признаки концепта «судьба» в текстах М. Цветаевой. Целью исследования выступает описание механизмов конструирования идиостилевого представления о судьбе средствами атрибутивной семантики. Методологическую базу настоящей работы составили когнитивно-семантический, компонентный, лексикографический и лексико-семантический, а также квантитативный методы анализа; с помощью нее проанализирована признаковая вербализация концепта «страх» в текстах М. Цветаевой. Выявление когнитивных признаков данного концепта в языке осуществлялось на основе когнитивного и эпитетного словарей, Поэтического корпуса Национального корпуса русского языка, а также собрания сочинений М. Цветаевой. Рассмотренные типы признакового осмысления значения концепта «судьба» в текстах М. Цветаевой указывают на объемное понимание концепта в рамках различных культурных традиций. Судьба выступает в качестве русского национального концепта, веци, греческого рока, а также внутреннего состояния человека, его переживания своей судьбы. Специфика признаковой вербализации данного концепта определяется активным вовлечением в образный ассоциативный ряд признаковых метафор, конструированием составных и сложных эпитетных слов с детализацией признаков. Судьба для поэта – это субъект, личность, но и одновременно вечное начало.

Ключевые слова: эпитет, семантика, идиостиль, концепт «судьба», поэтика, Марина Цветаева.

Введение

Процессы категоризации и концептуализации абстрактных сущностей предстают одними из самых сложных в когнитивной лингвистике. Поскольку сложные чувства (любовь, дружба), отношения (справедливость) или экзистенциальные понятия (жизнь, смерть, судьба) не имеют конкретного объекта-носителя их качеств и свойств, а проявлений их много, то зачастую происходит образное их осмысление.

Концепт отражает значимый для культуры и языка фрагмент человеческого опыта, поэтому он структурируется в качестве

востребованного смысла и актуализирует свое присутствие в устойчивых типах дискурса [Карасик 2009].

Конкретизация концептуальных признаков абстрактных понятий происходит путем выделения в их семантике тех или иных качеств, которые этому понятию приписывает субъект. Набор таких качеств и свойств практически не ограничен, что позволяет познающему субъекту выделить те грани концепта, которые кажутся ему наиболее значимыми.

Избранный в качестве предмета настоящего исследования концепт «судьба» имеет сложный набор когнитивных признаков. Это связано с самим понятием судьбы, которое является для носителя русского языкового сознания одним из центральных [Власкина 2010]. «Приблизительное знание» о смысловой наполненности данного феномена происходит из того, что под судьбой понимается стечение обстоятельств, высшая сила, участь, жребий, рок или дальнейшее существование, будущее. В связи с необъяснимостью многих жизненных ситуаций возникает потребность интерпретировать судьбу в качестве высшей, сродни божественной, силе, метафорически. Это некий субъект, чаще женского пола (*судьба-злодейка*), вещь, колесо (*колесо фортуны*). Языковое сознание пытается объяснить причины происходящего в мире путем метафоризации и персонификации абстракции, что значительно упрощает картирование мира.

Человек неизменно проецирует свой внутренний мир, эмоции, чувства, желания на внешний, поэтому антропологическое направление в лингвистике обращает внимание на способы вербализации этого состояния человека [Убийко 1998]. Центральную роль в репрезентации качества как логико-грамматической и когнитивной категории играет признаковая лексика. Процессы признаковой номинации, объяснение причин выбора того или иного слова для выражения не только свойства, присущего самому объекту как его объективной характеристики, но и как качества, привнесенного самим субъектом в структуру значения этого объекта, – главный вопрос когнитивной эпитетологии.

Эпитетология изучает эпитет с образно-ассоциативной и когнитивно-семантической позиций [Арнольд 2002; Ахманова 2013]. Атрибутивная, признаковая, атрибутивно-предикативная, эпитетная лексика – все эти термины с разных сторон характеризуют языковой феномен репрезентации качества как когнитивной категории [Булахова, Сковородников 2017; Гращенков, Лютикова 2018]. Когнитивные признаки, выделяемые у любого концепта, имеют признаковую вербализацию, как считается, самую простую, но, с другой стороны, специфичную форму выражения знания об объекте. Это знание может быть упаковано в устойчивые дискурсивные структуры,

повторяющиеся в национальном языковом сознании и организующие тип мышления, а могут иметь явно идиолектные черты [Киров 2019].

По отмеченным выше причинам увеличивается актуальность вопросов исследования когнитивных основ образования и механизмов конструирования признаков выражений. Каждое подобное словосочетание необходимо рассматривать в контексте, ситуативно обуславливающем выделение признака объекта. В языковом смысле это выражается в понятии эпитетного комплекса, включающего в себя минимум два ментально-вербальных элемента: признак (эпитет) и определяемый предмет (субстантив, объект эпитетации). В подобной интерпретации эпитет или признаковый элемент эпитетного комплекса предстает не в качестве изобразительно-выразительного средства языка, которое лишь приложение, украшение основного имени, отличающееся от обычного определения «экспрессивностью, переносным (тропеическим) характером» [Ахманова 2013: 527], а часть когнитивного процесса осмысления сущности познаваемого объекта.

Метафоризация, метонимизация признака или компаративное его употребление обусловлены когнитивными процессами, происходящими между двумя ментальными пространствами эпитета и объекта эпитетации [Губанов 2022]. Когнитивная лингвопоэтика, частью которой является когнитивная эпителогия, рассматривает признаковую лексику как элемент языкового структурирования реальности, который раскрывает сущность и причины номинации объекта по его признакам. Учитывается идиостиль писателя, который определяется авторской картиной мира; она во многом опирается на категориальную, философскую и общезыковую картину мира, однако всегда уникальна.

Уникальность идиостиля М. Цветаевой во многом объясняется системой координат, в которой жил поэт. Выстраивание ценностных ориентиров с позиции своей личности приводит к безмерности [Зубова 1989; Ревзина 2009], в том числе языка, парадоксальности восприятия реальности и нетривиальности подмечаемых в объектах признаков [Ляпон 2010]. «Положение дел», устанавливаемое автором в рамках его универсума, не допускает тиражирования, поэтому поэтическая номинация идет от частного к общему, она имеет дело не с необходимыми и достаточными признаками объекта, а с ситуативными [Ревзина 2009].

Концепту «судьба» М. Цветаева всегда уделяла особое внимание, пытаясь осмыслить цель человеческого существования, его обусловленность; конечность и судьба, безусловно, связаны с концептами «жизнь», «смерть».

Целью исследования является изучение специфики осмысления когнитивных признаков концепта «судьба» в текстах М. Цветаевой.

Материалы и методы

Методологию исследования составили методы лексикографического, лексико-семантического, компонентного, когнитивного анализа, а также метод сплошной выборки и метод количественного подсчета языковых фактов.

Корпус эпитетных слов, определяющих концепт «судьба», изучался в сравнительном аспекте на основе «Словаря эпитетов русского литературного языка» [Горбачевич, Хабло 1979], «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой» [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1996-2004], функционально-когнитивного словаря В.И. Убийко «Концептосфера внутреннего мира человека...» [Убийко 1998], Поэтического корпуса Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка] и текстов М. Цветаевой [Цветаева 1994-1995].

Результаты и их обсуждение

Концептуализация судьбы

Судьба в индоевропейском понимании предстает в виде предопределенности, обусловленности, внешней силы, имеющей потустороннее, высшее происхождение, не контролируемой человеком. Судьба «связана с пониманием человеком целостности и единства мира, существования в нем некоего порядка и последовательности, непрерывного изменения и преобразования, соотношения между тем, что было, есть и будет» [Жданова 2006: 5]; специфика судьбы в русском языковом сознании связана с идеями суда, части и целого, покорности, смирения, что отражает такие черты русского характера, как «коллективизм, мистицизм, психологизм» [Жданова 2006: 6]. Образная интерпретация судьбы развивается по линии персонификации (*повелитель, помощник, судья*), а также опредмечивания (*время, нить, дорога, вещество*).

Рассмотрим признаковые семантические репрезентанты концепта «судьба» в текстах М. Цветаевой в сопоставлении с узуальной атрибутизацией данного концепта, основываясь на «Словаре эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло [Горбачевич, Хабло 1979], Поэтического корпуса Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка], а также учитывая связь данного экзистенциального понятия с волей, желанием, намерением человека [Убийко 1998].

Концепт «судьба» в лексикографических источниках

Лексикографические источники дают возможность зафиксировать основные когнитивные признаки концепта «судьба».

Признаковая вербализация судьбы наиболее полно отражена в «Словаре эпитетов русского литературного языка». Судьба определяется как «стихийный, не зависящий от воли человека ход событий; доля, участь» и имеет 34 эпитета, большинство из которых негативной семантики: *капризная, неминуемая, обманчивая, своевольная, фатальная* и др. [Горбачевич, Хабло 1979: 433-434]. Отдельно говорится об определениях счастливой, великой судьбы (26 эпитетов, например, *легкая, славная, чудесная*) и несчастливой, тяжелой судьбы (41 эпитет, например, *жестокая, обидная, тяжкая*) [Горбачевич, Хабло 1979: 434]. Таким образом, судьба в русском языковом сознании получает противоречивые характеристики, она непредсказуема, может быть счастливой и коварной.

Рок в языковых узуальных словарях понимается как судьба, провидение и имеет помету «устаревшее»; имеет 27 эпитетов в словаре эпитетов с преимущественно негативной оценкой (*гнетущий, жестокий, злой, слепой, ужасный* и др.) [Горбачевич, Хабло 1979: 378]. Лексема *участь* в словаре эпитетов отсутствует.

Доля как специфический русский концепт имеет толкование в качестве синонима участи, судьбы. Как и судьба, она может быть хорошей, счастливой (что гораздо реже, 17 эпитетов) и горестной, тяжелой (намного чаще, 43 эпитета), причем обращает на себя внимание обилие помет «устаревшее» (*низкая, превратная, смиренная, страдальная*), «народно-поэтическое» (*бесталанная, лихая*), «просторечное» (*горемычная, худая*) [Горбачевич, Хабло 1979: 121].

Поэтический корпус Национального корпуса русского языка фиксирует более 9350 упоминаний данного концепта, признаковая составляющая которого представлена как узуальными эпитетами (*колесо судьбы*), так и окказиональными образами (устанавливаются общие признаки у судьбы и *почты, одежды, животного* и т.д.); рок – более 1900 примеров; доля – 1583 примера; участь – 626 примеров [Национальный корпус русского языка]. Лексические репрезентанты *судьба* и *рок* составляют ядро данного концепта, *доля, участь, фортуна* и другие синонимы относятся к периферии.

В.И. Убийко не включает данный концепт в свой когнитивный словарь, поскольку судьба не относится к непосредственно внутреннему миру человека, однако выделяется блок базовых концептов императивной сферы внутреннего мира, такие как *воля, желание и намерение*, косвенно

фиксирующие языковое выражение семантики свободы / несвободы человеческой деятельности [Убийко 1998].

Признаковая репрезентация когнитивных признаков концепта «судьба» в текстах М. Цветаевой

М. Цветаева в «Сводных тетрадах» пишет: «у каждого свое повторяющееся событие в жизни. Это и есть «судьба». (То, что мы помимовольно и непреложно, одним явлением на пороге – вызываем. Следствия, вырастающие из ходячей причины – нас» [Цветаева 1997: 235]. Понимание судьбы как переживания деяний высшей силы, греческого рока или результата действия воли человека является важным для поэта; в силу своего индивидуализма она отдает предпочтение трактовке судьбы как дела рук личности и приписывает ей соответствующие признаки.

Методом сплошной выборки было выявлено: 81 языковая единица, номинирующая *судьбу* в поэтических текстах М. Цветаевой [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 2004, т. 4, кн. 2: 107-108], 18 единиц – *рок*, 31 употребление эпитета *роковой* [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 2004, т. 4, кн. 1: 183-184]; 4 номинации судьбы как *участи* [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 2004, т. 4, кн. 2: 359], 26 как *доли* [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 2004, т. 2: 90-91]. *Фортуна* занимает особое место в творчестве поэта за счет функционирования данного концепта в рамках отдельного произведения, пьесы «Фортуна» (более 40 употреблений), где ее образ персонифицирован в лице маркизы де Помпадур [Цветаева 1994: 3].

Олицетворение как способ образной концептуализации когнитивных признаков судьбы, отмеченный выше в качестве одного из двух основных для русского языкового сознания, проявляется в творчестве М. Цветаевой в виде антропоморфного, зооморфного кодов.

Антропоморфный код является самым представительным: судьба приобретает черты человека, у нее появляется национальность (русская). Отметим, что слово *судьбина* заменяет номинацию *судьба* для передачи смысла «тяжелая участь, горькая судьба»:

Зорькою. // Рябина – // Судьбина // Горькая. // Рябина – // Седьми // Спусками. // Рябина! // Судьбина // Русская [Цветаева 1994: 2: 324]; *Может, горькую судьбину // Позабуду на чужбине...* [Цветаева 1994: 1: 472].

Судьба как любовь, жертвенность, предопределенность смерти, заложенная в героине и ее жизни, имеет характеристики *смертельная, страстная, злая*; по сути это номинации характера человека, носителя судьбы, подчиняющегося ей:

*Винювник **страстной** моей судьбы, // Курчавый и горбоносый* [Цветаева 1994: 2: 238]; *И тот, кто ранен **смертельной** твоей судьбой, // Уже бессмертным на смертное сходит ложе* [Цветаева 1994: 1: 303]; *Под ударами **злой** судьбы – // Выше – прадедовы дубы!* [Цветаева 1994: 1: 407].

Осмысление судьбы как некой абстрактной сущности связано с конкретным ее проявлением: это счастье, чувство счастья, испытываемое лирической героиней, причем оно *грустное* (знание о предрешении) и *роковое* (тавтологический признак, характерный для идиолекта поэта, дающего определение объекту посредством отсылки к тому же объекту или типичному его признаку):

*Судьба ты моя! // **Роковое и грустное счастье!*** [Цветаева 1994: 3: 475].

Зооморфный код признаковой метафоры вербализует качество значимости судьбы для жизни человека, поэтому она ассоциативно напоминает кашалота:

На кашалотъей // Туше судьбы – // Мускул полета, // Бега, // Борьбы [Цветаева 1994: 2: 287].

Овеществление не столь частотно в идиолекте М. Цветаевой, однако и в немногочисленных образных признаковых метафорах вещественного типа следует отметить активное участие антропоморфного кода, который присутствует в виде составной номинации, после двоеточия:

Непарное звяканье // Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань [Цветаева 1994: 2: 287].

Рок. С роком в русском языковом сознании связаны две основные гештальт-структуры: рок – время, момент и рок – сила, орудие исполнения приговора [Жданова 2006: 12]. Рок, в отличие от судьбы, мыслимой как дорога, – это точка, поворот дороги.

Рок воспринимается как часть родовой жизни, древнее начало:

*Что мне рок // С его **родовыми** страхами* [Цветаева 1994: 2: 253].

Вновь соединение антропоморфности и овеществления проявляется в конструировании составного эпитетного комплекса, включающего окказиональные признаки, выраженные сложными эпитетами:

Каменногрудый, // Каменнолобий, // Каменнобровый // Столб: // Рок [Цветаева 1994: 2: 88].

Роза, символ любви, становится воплощением рока:

*Роза – кровь, // Роза – плен, // **Роза – рок непреклонный!*** [Цветаева 1994: 3: 377].

Фортуна концептуализируется М. Цветаевой в одноименной пьесе как персонифицированное живое существо, человека, это тот, кто ведет человека на протяжении всей жизни. Фортуна жива, важен ее поцелуй (эпитетный

комплекс генитивного типа *поцелуй Фортуны*), это механизм (*колесо Фортуны*), осью которого является главный герой пьесы Лозэн. Смысл жизни героини – это постижение своей судьбы, основу которой составляет любовь, душа, овнешнением этой сущности выступает Фортуна, олицетворение судьбы-любви. Судьба – это вечное начало, поэтому любовь, живущая в сердце, душе, ей совечна.

Доля как синоним судьбы нечасто употребляется поэтом, однако признаковая концептуализация признаков доли становится примером противопоставления зооморфного и антропоморфного образного кодов: собачья доля, преданная, но зависимая, рабская, антонимична человеческой, а потому моей:

Не доле собачьей, // Моей человечьей [Цветаева 1994: 2: 317].

В трагедии «Ариадна» лексема *доля* повторяется подобно заклинанию 13 раз, причем несколько раз подряд в противопоставлении *воле* (см. [Цветаева 1994: 3: 626]). Рок и доля трактуется поэтом в качестве силы, ведущей человека, но человек и есть судьба. Герой пьесы реализует свою волю, он становится Богом, творцом своей судьбы (см. подробнее [Сухова 2014]).

Способы вербализации когнитивной структуры концепта «судьба» реализуется в творчестве М. Цветаевой согласно ее авторскому представлению о данном явлении как о силе, которая заключена в каждом человеке: причины поступков субъекта определяются творимой им самим судьбой. Судьба осмысливается в традиции русского языкового сознания как вечное начало, однако поэт актуализирует признаки, связанные с чувственной сферой, наделяя судьбу не только чертами характера или эмоциями, но и внешними особенностями. Реализация данной установки происходит с помощью конструирования окказиональных метафорических эпитетных комплексов, содержащих новый, нетипичный для судьбы признак.

Заключение

Концепт «судьба» относится к одному из экзистенциальных, а также национально специфичных концептов русской языковой картины мира. Признаковая вербализация данного концепта связана с актуализацией таких сем, как вечность судьбы, ее неизбежность, обуславливающие неагентивность субъекта; близким понятием выступает концепт «рок», акцентирующий внимание на несчастливых событиях в жизни человека.

В рамках идиостиля М. Цветаевой когнитивные признаки концепта «судьба» указывают на объемное понимание концепта в рамках различных культурных традиций. Судьба выступает в качестве русского национального

концепта, вещи, греческого рока, а также внутреннего состояния человека, его переживания своей судьбы. Специфика признаковой вербализации данного концепта определяется активным вовлечением в образный ассоциативный ряд признаковых метафор, конструированием составных и сложных эпитетных слов с детализацией признаков. Антропоморфная, зооморфная и фитоморфная признаковые метафоры выступают средствами окказионального понимания судьбы как рока, чаще горького, даже относительно счастья или любви. Судьба для поэта – это субъект, личность, но и одновременно вечное начало.

Дальнейшее исследование поэтического идиолекта с позиций признаковой концептуализации идиостилевых концептов связывается с интеграцией накопленного материала и созданием исчерпывающего описания атрибутивного языка поэта.

Библиографический список

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный Дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 576 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.

Власкина Н.А. Концепт судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 29 с.

Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.

Гращенко П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–25. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>

Губанов С.А. Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 4. С. 32–40. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_32.

Жданова Н.В. Национальная специфика концепта «судьба» в русском и английском языках: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006. 20 с.

Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.

- Карасик В.И.* Языковые ключи. М: Гнозис, 2009. 406 с.
- Киров Е.Ф.* Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
- Ляпон М. В.* Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.
- Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. URL:<https://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.03.2024).
- Ревзина О.Г.* Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 594 с.
- Словарь поэтического языка Марины Цветаевой:* в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996-2004.
- Сухова А.В.* Репрезентация концепта судьба в трагедии М. Цветаевой «Ариадна» // Фундаментальные исследования. 2014. № 3-3. С. 658-662.
- Убийко В. И.* Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1998. 232 с.
- Цветаева М. И.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994-1995.
- Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997. 639 с.

References

- Arnol`d I. V. Stilistika. Sovremenny`j anglijskij yazy`k. M.: Flinta; Nauka, 2002. 384 s.
- Axmanova O.S. Slovar` lingvisticheskix terminov. – M.: Knizhny`j Dom «LIBROKOM», 2013. 576 s.
- Bulaxova N. P., Skovorodnikov A. P. K opredeleniyu ponyatiya e`pitet (predugotovlenie k funkcional`noj karakteristike) // E`kologiya yazy`ka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 2 (9). S. 122–143.
- Vlaskina N.A. Koncept sud`ba v yazy`kovej i mifopoe`ticheskoj kartine mira donskix kazakov: avtoref. ... diss. Kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2010. 29 s.
- Gorbachevich K. S., Xablo E. P. Slovar` e`pitetov russkogo literaturnogo yazy`k. L.: Nauka, 1979. 567 s.
- Grashhenkov P. V., Lyutikova E. A. Prilagatel`ny`e v tipologii i teorii yazy`ka: semantika, distribuciya, derivaciya / P. V. Grashhenkov, E. A. Lyutikova // Rhema. 2018.№ 4. S. 9–25. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>
- Gubanov S. A. E`pitetny`j kompleks v tekstax Mariny` Czvetaevoj /// Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2022. Vy`p. 8. № 4. S. 32–40, https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_32.
- Zhdanova N.V. Nacional`naya specifika koncepta «sud`ba» v russkom i anglijskom yazy`kax: avtoref. ... diss. kand. filol. nauk. Velikij Novgorod, 2006. 20 s.
- Zubova L. V. Poe`ziya Mariny` Czvetaevoj: Lingvisticheskij aspect. L: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1989. 264 s.
- Karasik V. I. Yazy`kovy`e klyuchi. M: Gnozis, 2009. 406 s.

Kirov E. F. Diskursema i megae`pitet v diskursologii // Kazanskaya nauka. 2019. № 3. S. 93–95.

Lyapon M. V. Proza Czvetajevoj: Opy`t rekonstrukcii rechevogo portreta avtora M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2010. 528 s.

Nacional`ny`j korpus russkogo yazy`ka. URL:<https://ruscorpora.ru> (data obrashheniya 01.03.2024).

Revzina O. G. Bezmernaya Czvetajeva: opy`t sistemnogo opisaniya poe`ticheskogo idiolekta. M.: Dom-muzej Mariny` Czvetajevoj, 2009. 594 s.

Slovar` poe`ticheskogo yazy`ka Mariny` Czvetajevoj: v 4 t. M: Dom-muzej Mariny` Czvetajevoj, 1996-2004.

Suxova A.V. Reprezentaciya koncepta sud`ba v tragedii M. Czvetajevoj «Ariadna» // Fundamental`ny`e issledovaniya. 2014. № 3-3. S. 658-662.

Ubijko V. I. Konceptosfera vnutrennego mira cheloveka v russkom yazy`ke: Funkcional`no-kognitivny`j slovar`. Ufa: Izd-vo Bashkirskogo universiteta, 1998. 232 s.

Czvetajeva, M. I. Sobranie sochinenij: v 7 t. M.: E`llis-Lak, 1994-1995.

Czvetajeva M.I. Neizdannoe. Svodny`e tetradi. M.: E`llis-Lak, 1997. 639 s.